

Научная статья ■

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11085

EDN: YJWFMU

Тема евангельской любви в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах»

Л. В. Алексеева

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: lempi@mail.ru

Аннотация. Тема евангельской любви рассмотрена как основной лейт-мотив, определяющий художественную концепцию романов «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1881), составивших дилогию, которая стала итогом не только размышлений П. И. Мельникова-Печерского о старообрядчестве, но и религиозно-философских размышлений о человеке, его духовно-нравственной составляющей, национально-культурных, духовных ценностях, поисках истинной веры и высшем смысле человеческого существования. Религиозно-философская проблематика дилогии, ее связь с национальной жизнью, духовно-нравственными идеалами, традициями древнерусской культуры, отражение православных ценностей в художественной концепции произведения позволяют говорить о культурном традиционализме и включать творчество Мельникова-Печерского в общий литературный процесс XIX в. С этой точки зрения в статье рассмотрены мотивы духовного самопожертвования, самоотречения, служения ближнему как высшая степень проявления евангельской любви. Эта тема пронизывает художественное пространство дилогии и получает выражение на разных уровнях структуры текста — в образно-мотивном строе, сюжетной организации, в цитатах и реминисценциях. Слова одного из главных героев, купца-старообрядца Патапа Максимыча Чапурина, о служении и самопожертвовании ради ближнего, представляющие неточную цитату из Евангелия (Ин. 15:13), являются ключевыми в раскрытии темы евангельской любви. Положительные образы героев дилогии (как старообрядцы, так и представители ортодоксальной церкви) ориентированы на христианские ценности, обладают православным воззрением, существенный принцип которого — принцип взаимной любви во Христе. На примере героев Мельникова-Печерского показано, что любовь к ближнему понимается как деятельная любовь, результат земного «делания», будь то героическое самопожертвование или смиренное подвижничество. Любовь во Христе возвышает и преображает личности героев, приводя к единству, соборности, чувству ответственности друг перед другом.

Ключевые слова: П. И. Мельников-Печерский, дилогия, традиционализм, старообрядчество, Евангелие, любовь, соборность, мотив, образ

Для цитирования: Алексеева Л. В. Тема евангельской любви в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 337–367. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11085. EDN: YJWFMU

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11085

EDN: YJWFMU

The Theme of Gospel Love in P. I. Melnikov-Pechersky's “V lesakh” (“In the Forests”) and “Na gorakh” (“On the Hills”) Dilogy

Lyubov V. Alekseeva

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
e-mail: lempi@mail.ru*

Abstract. The topic of gospel love is considered the main leitmotif that defines the artistic concept of the novels “V lesakh” (“In the Forests”) (1871–1874) and “Na gorakh” (“On the Hills”) (1875–1881), which comprise a dilogy. It was the result of the reflections of P. I. Melnikov-Pechersky not only about the Old Believers, but also his religious and philosophical contemplations about a person, his spiritual and moral components, national and cultural, spiritual values, the search for true faith and the highest sense of human existence. The religious and philosophical problems of dilogy, its connection with national life, spiritual and moral ideals, traditions of ancient Russian culture, the reflection of Orthodox values in the artistic concept of dilogy allow us to talk about cultural traditionalism and include Melnikov-Pechersky’s creative work in the general literary process of the 19th century. From this point of view, the article considers the motifs of spiritual self-sacrifice, self-denial, serving your neighbor as the highest degree of manifestation of the gospel love. This theme permeates the artistic space of the dilogy and is expressed at different levels in the text structure — in an image-motivated system, plot organization, in quotes and reminiscences. The words of one of the main heroes, the Old Believer merchant Patap Maksimych Chapurin, about serving and self-sacrifice for the sake of his neighbor, representing an inaccurate quote from the Gospel (John 15:13), are the key to uncovering the theme of gospel love. The intentionally positive images of the heroes of dilogy (both Old Believers and representatives of the Orthodox Church) are focused on Christian values, have an Orthodox vision, the essential principle of which is the principle of mutual love in Christ. The example of the heroes of Melnikov-Pechersky shows that love for one’s neighbor is understood as active love, the result of earthly “doing,” be it heroic self-sacrifice or humble asceticism. Love in Christ elevates and transforms the personalities of heroes, leading to unity, sobornost’, a sense of responsibility to each other.

Keywords: P. I. Melnikov-Pechersky, dilogy, traditionalism, Old Believers, Gospel, love, sobornost', motif, image

For citation: Alekseeva L. V. The Theme of Gospel Love in P. I. Melnikov-Pechersky's "V lesakh" ("In the Forests") and "Na gorakh" ("On the Hills") Dilogy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 337–367. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11085. EDN: YJWFMU (In Russ.)

«Никто же больше той любви иметь, аще кто душу свою положит за други своя...», — эти слова о самопожертвовании, представляющие неточную цитату из 15 главы Евангелия от Иоанна (ср.: «болши сея любве никтоже иметь, да кто душу свою положить за други своя» — «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13)), принадлежат одному из главных героев дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» — купцу-старообрядцу Патапу Максимычу Чапурину¹. Они оказываются концептуально значимыми для всего произведения. Духовное самопожертвование, самоотречение, служение ближнему как высшая степень проявления евангельской любви становятся лейтмотивом, в котором слова Патапа Чапурина — ключевые. Эти мотивы во многом определяют художественную концепцию дилогии Мельникова-Печерского.

Два романа «В лесах» и «На горах», составившие дилогию, в которой сплетается множество человеческих судеб, сюжетных линий, явились не только вершиной художественного творчества П. И. Мельникова-Печерского: оно не было основной деятельностью автора дилогии, успешно окончившего словесное отделение Казанского университета, чиновника особых поручений по делам старообрядцев, члена Археографической комиссии, редактора неофициальной части «Губернских Ведомостей», но прежде всего историка, увлеченно занимавшегося изучением старообрядчества и русской истории в целом и только с 1866 г. полностью погрузившегося в литературное творчество. Дилогия стала главным трудом, которому Мельников-Печерский посвятил целое десятилетие

¹ Мельников П. И. Собр. соч.: в 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 2. С. 123. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

в последние годы своей жизни («В лесах», 1871–1874; «На горах», 1875–1881), своеобразным итогом его размышлений о старообрядчестве и более того — религиозно-философских размышлений о человеке, его духовно-нравственной составляющей, национально-культурных, религиозных ценностях, высшем смысле человеческого существования, поисках истинной веры. Эти представления реализованы Мельниковым-Печерским на материале о жизни старообрядческого Заволжья, в знании которого среди современников едва ли были ему равные.

Старообрядцы — хранители исконных православных ценностей, старой веры, духовности, древних православных святынь, памяти о подвижниках «древлего благочестия», традиций древнерусской культуры, допетровского жизненного уклада (см., напр.: [Боченков, 2010], [Пигин, 2011, 2017], [Юхименко, 2016, 2020]). В своем стремлении сохранить веру предков старообрядцы напоминают древнерусских подвижников. Многие герои диалогии, проходя через жизненные испытания, остаются верны заповедям добра и любви. Это герои, живущие в настоящем, на которых Мельников-Печерский возлагает надежду в будущем.

Религиозно-философская проблематика диалогии Мельникова-Печерского долгое время оставалась в стороне от исследователей его творчества и потому оказалась менее всего раскрыта. Однако на рубеже XX–XXI вв. и в настоящее время исследователи обратили внимание на этот аспект: в их работах преимущественно на материале романа «В лесах», рассматривается связь диалогии с национальной жизнью, духовно-нравственными идеалами, традициями древнерусской культуры, отражение православных ценностей в художественной концепции диалогии [Боченков, 2004, 2005, 2010], [Гневковская, 2000]², [Дергунова], [Дунаев], [Кудряшов, 1997, 2003, 2004, 2006, 2007], [Липатов], [Мещерякова], [Алексеева, 2013а, 2013b, 2014а, 2014b, 2014с], [Николаева], [Тарасова], [Царегородцева]. Изучение диалогии в таком ракурсе позволяет включить творчество

² См. также исследование, посвященное проблеме выбора жизненного пути героями П. И. Мельникова-Печерского на материале других произведений [Гневковская, 2009].

Мельникова-Печерского, бытописателя старообрядчества, в общий литературный процесс XIX в. По словам В. Е. Хализева, русская классическая литература в лице А. Н. Островского, Н. А. Некрасова, Н. С. Лескова, П. И. Мельникова-Печерского «вовлекала в свою сферу многовековые национально-культурные ценности — ту жизненную практику, которая так или иначе сопрягалась с новыми историческими веяниями и неизменно окрашивала современность» [Хализев, 2005: 232]. Писатели XIX в. (Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко и др.) «исследовали национально-культурные и религиозные ценности, укорененные в народном сознании» [Дергунова: 299]. Благодаря им в русской литературе «мощно и воочию заявили о себе вне- и долитературные пласты культуры, допетровские и допушкинские пласты сознания» [Журавская: 209].

Культурный традиционализм в трактовках русской литературы XIX в. прослеживался и в исследованиях начала XX в. (С. А. Венгерова, В. Н. Перетца, В. М. Истрина и др.). С. А. Венгерова, характеризуя отечественную словесность как «самое замѣчательное явление» и «центральное проявление русского духа, фокусъ, въ которомъ сошлись лучшія качества русскаго ума и сердца» [Венгерова, 1907: 5], акцентирует в ней темы самопожертвования, покаяния, жажды подвига. Пафос жертвенного подвига признается Венгеровым характерным для русского сознания, «центральным нервом русской литературы» (подробнее об этом см.: [Венгерова, 1911: 200, 205]). Ученый высказывал идею о единении народа — разных сословий и общественных групп — в «общем национальном чувстве», в «героическом подвижничестве» (см. также: [Венгерова, 1912: 16]). В. Н. Перетц видел особенность русской литературы в том, что она проникнута альтруистическими идеалами и исканием идеала вообще. Ее героини проходят «тернистый путь страдания, ища той *правды*, которая должна возстановить нарушенный идеальный порядокъ жизни духа» [Перетц: 5]. По мысли Перетца, стремление к свету и правде свойственно каждому цельному человеку и куда бы ни завел поиск, важен «самый фактъ исканія», поскольку оно — тоска по идеальному содержанию в мире [Перетц: 6]. Почву, т. е. наследственность,

исследователь считает необходимым условием зарождения этих идеалов. В качестве источников, питающих отечественную литературу, Перетц указывает древнерусскую словесность, посредством которой происходит связь с эпохой раннего христианства, эпохой строгого подвижничества и самоотречения, борьбы за веру [Перетц: 6–7]. Идеалы этих времен — идеалы святости и искания правды и рая — по мысли ученого, не только сохранились в русской литературе в пору «обмирщения» (XVIII–XIX вв.), но даже усилились [Перетц: 9]. Отсюда отрицательный взгляд на существующую действительность и мысль о существовании идеала — источник искания рая, «стремленія познать непознаваемое, найти ту таинственную грань, гдѣ божество сливается съ человѣчествомъ, очищеннымъ отъ грѣха и достигшимъ полноты и обилія святости, возможнаго для человѣка» [Перетц: 8]. С этим исканием и верой в царство истины тесно связано «учительство» — еще одно ведущее свое начало из древнерусской словесности свойство русской литературы, которое было отмечено Перетцем и Венгеровым [Перетц: 11]. Перетц обозначил и другую сторону, с которой может раскрываться тема духовного скитальчества: в этих поисках «не дисциплинированные умы, стремясь порвать съ прошлымъ и создать нѣчто новое, — впадаютъ въ сектантскія мистическія увлеченія, иногда кончая религіознымъ изувѣрствомъ» [Перетц: 10]. Однако их стремленія заканчиваются «принесеніемъ покаянія, примиреніемъ съ традиціонной религіей и возвращеніемъ на лоно церкви» [Перетц: 9]. Эти искания давали материал писателям XIX в. для целой галереи типов, среди которых — «рядъ <...> мятежныхъ и слабыхъ духомъ типовъ» [Перетц: 10].

Вслед за Перетцем и ссылаясь на его работы, В. М. Истрин говорил о законе преемственности, эволюции, связывающем прошлое и настоящее, «отдаленную древность съ настоящимъ временемъ» [Истрин: 27]. Он видел специфичность русской литературы в соединении с христианской моралью. Литература XIX в. рассматривалась им как вобравшая в себя национально-культурную традицию, идущую из прошлых столетий. Признавая справедливость высказывания Перетца об учительном характере русской литературы, наблюдающемся

у нее во все времена, Истрин также проводил связь между древней литературой и новой посредством христианской морали, которая может распространяться либо на внутреннюю жизнь человека, либо на его отношение к другим людям. Из этого, по мысли ученого, проистекает такое определение как «просветление сердца», которое не исчерпывает всех понятий христианской морали [Истрин: 29–31]

С точки зрения христианского мировидения рассматривал русскую литературу и Л. А. Соколов, духовный писатель и богослов. Он утверждал, что раскрытие духовных ценностей, помимо «уясненія ихъ на началахъ слова Божія и церковнаго преданія», должно быть в тесной взаимосвязи с изучением литературы, поскольку она никогда не была чужда религиозно-нравственных мотивов. Русский писатель, «наиболѣе чуткій къ біенію пульса народной души и зоркій въ отношеніи идеальнаго міра», «дать ясныя картины вѣрности русскаго человѣка искони, естественно и откровеніемъ поставленной цѣли бытія, непрерывнаго сохраненія вѣковыхъ духовныхъ цѣнностей и строенія своей жизни на началахъ вѣры въ Бога, совѣсти и долга, безсмертія и вѣчности, непрерывнаго совершенствованія и дѣятельной любви» [Соколов: 56].

Так, критикой начала XX в. утверждался образ русской литературы XIX в. как воплощение мощной культурной традиции, корни которой уходят в глубокую древность, как средоточие высших этических ценностей, подчеркивался ее христианский характер.

Связь с «почвой», традиционной культурой, идущей из глубины веков, прослеживается и в диалогии «В лесах» и «На горах». Подобно своим современникам, Мельникову-Печерскому удалось уловить тенденцию литературы XIX в., запечатлев в своих героях «духовную и “поведенческую” причастность нравственным и религиозным императивам», уяснив «одухотворенную “ткань жизни”, которая наследуется от поколения к поколению» [Хализев, 2005: 9]. Эта «ткань жизни» — понятие, примененное философом Н. С. Арсеньевым к культуре, — «передатчица духовной традиции», «поток духовной преемственности, насыщенной творческой энергией, соединяющей прошлое с настоящим». Она питает великие памятники и творения культуры, без нее невозможные [Арсеньев: 9].

Смысл культуры заключен в этой «живой ткани исторической преемственности и личного усилия и подвига, подвига как отдельных лиц, так и целого народа. Живое предание и личный подвиг, устремление вперед и укорененность в прошлом и в глубинах жизни составляют одно — один порыв, один поток, одно мощное течение» [Арсеньев: 7–8].

Темы духовного подвига самопожертвования, самоотречения как проявления любви к ближнему пронизывают всю диологию Мельникова-Печерского и получают выражение на разных уровнях в структуре художественного текста — в образно-мотивном строе, сюжетной организации, в цитатах и реминисценциях. Герои-носители исконных христианских ценностей показаны как среди представителей ортодоксальной церкви, которых в числе персонажей дилогии немного (православный поп Прохор и старообрядец в прошлом Сергей Андреевич Колышкин), так и среди старообрядцев — главных действующих лиц повествования. К этому типу героев примыкает знахарка Егориха — воплощение любви, полной самоотдачи и сочувствия к людям, — образ которой находится на периферии этих двух групп («нелюбимая келейницами, а всеми окольными крестьянами почитаемая благодетельницей» (4: 16)).

Мельников-Печерский создал положительные образы старообрядцев, отказавшись от существующей с XVII в. в литературе обличительно-сатирической традиции их изображения, которой и сам следовал в течение некоторого периода и время от времени возвращался в художественном и художественно-публицистическом творчестве («Поярков», 1857; «Гриша», 1860; «Очерки поповщины», 1862–1864). Вопреки этой традиции многие герои дилогии воплощают национальный идеал, ориентированный на христианские ценности, иными словами — сохраняют «память об идеале Древней Руси», по определению Л. В. Соколовой, которая применила его в отношении литературы XX в., продолжившей традиции древнерусской литературы [Соколова: 181]. В русской литературе воплощен наиболее существенный принцип православного воззрения — принцип взаимной любви всех во Христе,

согласно которому главное в религиозной жизни то, что она прежде всего «порождается благодатью всеобщей взаимной любви», единением во Христе [Новгородцев: 9].

Основываясь на старообрядческом материале, Мельников-Печерский избирает предметом изображения ту сферу человеческой жизни, где личное вступает в конфликт с религиозным. Пристальное внимание писателя в диалогии уделено человеческой личности, проблеме выбора героями жизненных позиций, духовному самоопределению и поступкам, совершаемым героями в различных ситуациях, причастность «событиям бытия» [Бахтин] (см. также: [Аванесов], [Смирнов], [Щитцова]). Героям диалогии Мельникова-Печерского свойственно православное сознание, которое состоит в умении сохранять в себе основы учения Христа (см., напр.: [Новгородцев: 8]).

В образах старообрядческой игуменьи Комаровского скита Манефы, сестры Патапа Чапурина, и ее незаконнорожденной дочери Фленушки, послушницы одной из обителей скита, выбор делается в пользу религиозного долга, согласно которому земная жизнь человека оценивается с точки зрения вечной и представляет лишь переходное состояние на пути к Царству Небесному. Для сознания обеих героинь характерно не только «извѣстное потускнѣніе красокъ въ здѣшнемъ мірѣ, чувство міра нездѣшняго», но и «исканіе Царства Божьяго, путей правды» [Зеньковский: 31]. Красивая, молодая, но гордая и спесивая Матрена Чапурина, будущая игуменья Манефа, «не отчуралась от любви» (2: 177). Насильно свезенная отцом под строгий надзор в один из крупнейших старообрядческих скитов, Комаровский скит, с целью уберечь ее от любовного искушения, Матрена в отчаянии, не надеясь на возможное счастье с Якимом Стуколовым, дает обет — принять иночество и посвятить свою жизнь искуплению совершенного ею греха:

«Оправясь от болезни, Матренушка твердо решила исполнить данный обет. Верила, что этим только обетом избавилась она от страшных мук, от грозившей смерти, от адских мучений, которые так щедро сулила ей мать Платонида. Чтение *Книги о старчестве, патериков и Лимонаря* окончательно утвердили ее в решимости посвятить себя Богу и суровыми подвигами

иночества умилосердить прогневанного ее грехопадением Господа... Ад и муки его не выходили из ее памяти...» (2: 184).

Самоотречение героини оказывается настолько сильным, что она, отвергая свою земную любовь, весь мир, всецело впадает в «аскетическое самоуглубление» (см.: [Зеньковский: 31]), приняв иночество, а впоследствии и игуменство над Комаровским скитом:

«Вольный ход, куда хочешь, и полная свобода настали для недавней заточенницы. Но, кроме часовни и келий игуменьи, никуда не ходит она. Мерзок и скверен стал ей прекрасный Божий мир. Только в тесной келье, пропитанной удушливым запахом воска, ладана и деревянного масла, стало привольно дышать ей... <...> Греховно, все греховно в глазах молодой беллицы...» (2: 185).

Жизнь по строгому скитскому уставу, чтение душеполезных книг, молитвы, труд, ведение скитского хозяйства погрузили Манефу в особый мир, «все бывшее покрылось забвением» (2: 187). Отрекшись от мирской жизни, Манефа получила славу во всем старообрядчестве «великой ревнительницы древлего благочестия», «крепкого адаманта старой веры» (2: 186).

Во искупление своего греха Манефа берет на воспитание сироту Фленушку, сама того не ведая, свою незаконнорожденную дочь. В отношениях Манефы с Фленушкой раскрывается другая, «чувственная», сторона многогранного образа игуменьи: строгая и величавая, она окружает заботой воспитанницу и отдает ей всю свою любовь, которая исходит из материнского сердца. В состоянии любви и аскетического подвижничества «водворяется в душе Манефы тихий, мирный покой» (2: 187).

Подобно тому, как житийный герой проходит через испытание бесовской силой, Манефа преодолевает борьбу с искушением страстями — воспоминаниями о земной любви, являющимися в образе Стуколова. Первое борение, которое Манефа стоически вынесла, произошло еще до обряда пострижения, последующие — после пострига — оказались более трудным испытанием (см., напр., «В лесах», кн. 1, ч. 1, гл. 11, 13; ч. 2, гл. 8):

«Встреча с паломником, которого она в живых видеть не чаяла, возмутила духовный мир матери Манефы. <...> Насмелся враг рода человеческого над ее подвигами и богомыслием!.. <...> Минута одна, и как вихрем сваяны двадцатипятилетние труды, молитвы, воздыхания, все — все...» (2: 175).

Эта встреча едва не поколебала стойкость «закаленной в долгой борьбе со страстями, <...> победившей в себе ветхого человека со всеми влечениями к миру, чувственности, суете, <...> умертвившей в себе сердце» (2: 188). Но Манефа находит силы невозмутимо встретить и искренне отдать поклон Стуколову как «подвижнику, <...> труднику, положившему душу свою на исканье старообрядческого святительства...» (2: 188), преданному, как и она, «древлему благочестию». Хотя по-прежнему ее испытывает бесовское искушение — душу продолжают разрывать воспоминания молодости (3: 75).

История любви Манефы, составляющая одну из сюжетных линий романа «В лесах», вносит в ее образ трагизм, который заключается в неразрешимом конфликте чувств и религиозного долга (см., напр.: [Багрецов: 17]). Безграничная любовь к своей воспитаннице — дочери Фленушке — просветляет образ игуменьи, придает ему полноту (о категории преобразования личности см.: [Гаричева]). Несмотря на то, что Мельников-Печерский создал образ, «погруженный в религиозно-бытовую атмосферу старообрядчества, с нею сроднившийся» [Боченков, 2010: 446], он в то же время показал в игуменье живую человеческую душу, способность любить вопреки мертвым догмам, но это любовь родственная, кровная. Однако содержание и смысл образа Манефы заключается в том, что «в охранении и распространении “древлего благочестия” она представляет едва ли не главную задачу своей жизни» [Жидкова: 33].

Путь Манефы повторяет дочь Фленушка, с детства воспитанная в стенах обители, где религиозный долг является определяющим. Озорной Фленушке изначально чужда атмосфера строгого аскетизма («не снести мне иночества», «в черницах мне не бывать» (3: 114)):

«Молодая, красивая, живая как огонь Фленушка <...> была девица-белоручка, любимица игуменьи, обительская баловница.

Она выросла в обители, будучи отдана туда ребенком. Выучилась в скиту Фленушка грамоте, рукодельям, церковной службе, и хоть ничем не похожа была на монахиню, а приводилось ей, безродной сироте, век оставаться в обители» (2: 40).

Преданность и любовь Фленушки к воспитавшей ее матери Манефе, наставление игуменьи девушке принять иночество ради будущего блага и определенности в судьбе, разгоревшаяся любовь к Петру Самоквасову — все это является основой внутреннего конфликта в образе молодой белицы. Разрешением этого противостояния для героини может стать уход в мирскую жизнь путем замужества:

«Из скитов замуж въявь не выходят — позором было бы это на обитель, но свадьбы “уходом” и там порой-временем случаются. Слюбится с молодым белица, выдаст ему свою одежду и убежит венчаться в православную церковь: расколничий поп такую чету ни за что не повенчает. Матери засуетятся, забегают, погони разошлют, но дело поправить нельзя. Посердятся на беглянку с полгода, иногда и целый год, а после смиряются. Беглянка после мировой почасту гостит в обители, живет там, как в родной семье, получает от матерей вспоможение, дочерей отдает к ним же на воспитание, а если овдовеет, воротится на старое пепелище, в старицы пострижется и станет век свой доживать в обители. Таких примеров много было, и Фленушка, поминая эти примеры, думала было обвенчаться “уходом” с молодым казанским купчиком Петрушей Самоквасовым...» (2: 40).

Однако и в мирской жизни, в патриархальном укладе она не находит возможности реализовать своему сильному, страстному чувству. «Любви такой девки, как я, — тебе не снести... По себе поищи, потише да посмирнее», — заявляет она Петру Самоквасову (5: 386).

Оказавшись перед выбором — возможное личное счастье путем бегства из обители или иночество, на котором настаивает любимая ею матушка Манефа, Фленушка после долгих сомнений («...но матушки Манефы было жалко ей — убило бы это ее воспитательницу...» (2: 40)) подчиняется настояниям игуменьи, не видя иного для себя выхода («Иначе нельзя!.. Родная мать велит — надо покориться!..» (5: 369)). Ее решение

остаться в скиту — скорее не проявление верности религиозному долгу, а самопожертвование ради любви к близкому человеку — воспитавшей ее игуменье, в лице которой Фленушка обретает родную мать в минуты своего выбора (5: 363–369):

«Отказалась я от него ради тебя, матушка, жаль мне было расстаться с тобой... А теперь, когда знаю, что я твое рождение, когда знаю, какова у тебя власть надо мной, вот тебе, родная, речи мои: положим начал перед иконами, благослови меня принять пострижение» (5: 368–369).

В самоотречении Фленушки уже нет того трудноразрешимого противоречия между чувством и долгом (любовь к матери и долг оказываются на одной чаше весов в противовес личному счастью), но нет и той гармонии, когда в самопожертвовании переполняет чувство евангельской любви, возвышающей, просветляющей душу. Фленушку, напротив, одолевает уныние, опустошение: «Ах ты, жизнь моя, жизнь горе-горькая, сокрушила ты победную мою голову, иссушила ретиво сердце!..» (5: 369). Это состояние характеризуют такие портретные детали в описании героини после принятия решения: «...застыла вся, ровно окаменела», «унылый, неподвижный взор», «руки опущены, лицо бледно, как полотно, поблекшие губы чуть заметно вздрагивают» (5: 369). Символично накануне пострига Фленушки Петру Самоквасову доносится с кладбища «песня слез и печали» — погребальные мотивы «Службы усопшим»: «Рабе Божией преставльшейся сестре нашей иноке Филагрии вечная память!..» (5: 404). Надев на себя вериги строгого устава по примеру Манефы, Фленушка, принявшая имя Филагрии, теряет прежний облик — озорной, полной жизни, мечтающей о счастье и устраивающей счастье других. Результат ее внутреннего перерождения отчетливо проявляется в разрыве с мирской жизнью, отказе от земной любви:

«Нет здесь никакой Флены Васильевны <...> Здесь мать Филагрия пребывает» <...> Недвижно стоит величавая, строгая мать Филагрия в черном венце и в мантии. Креповая наметка назад закинута... <...> Как стрела, выпрямилась станом мать Филагрия. Сдвинулись соболиные брови, искрометным огнем

сверкнули гневные очи. Как есть мать Манефа. Медленно протянула она вперед руку и твердо, властно сказала: “Отыди от мене, сатано!..” (5: 411).

Для православного сознания характерно, как отмечает философ и богослов В. В. Зеньковский, не только «чувство міра нездѣшняго», но и «исканіе Царства Божьяго, путей правды»; в нем «есть нѣкоторое отрѣшеніе отъ суеты міра сего, но рѣшительно и глубоко ему чуждо отвращеніе къ міру сему» [Зеньковский: 31]. Это иной путь, о котором говорится в Лествице св. Иоанна Лествичника: возврат души к миру после «аскетического самоуглубления», трудной борьбы с собой — после чего душа наполняется радости и любви к окружающему (см.: [Зеньковский: 31]).

Через духовное странничество проходит герой дилогии Герасим Силыч Чубалов. Самососредоточение сознания, отрешенность с детства от окружающего мира, тяга к пустынножительству, необычайная способность к книжному учению, страсть к которому не могут отбить даже отцовские наказания, чтение душеполезных книг (Цветника, Пролога, житий святых), смиренномудрие, пытливость ума, сближающие героя с житийными образами святых, приводят его к отшельничеству — тому самому «аскетическому самоуглублению», погружению во внутреннее замкнутое пространство, которое в исследовательской литературе определяется как «парадигма вывернутого в глубь себя пространства внешнего мира», характерного для древнерусской культуры и унаследованного литературой писателей-традиционалистов (см.: [Мяло: 229–230], [Соколова: 182]).

Из душеполезных книг Герасим узнает об антихристе, о последних временах, о том, что истинная вера иссякла и сохранилась лишь у малого числа людей. Герой отправляется в «странство» «ради обретения истинной правой веры Христовой, ради отыскания “малого стада” избранных, но сокровенных людей Божиих» (5: 444), о которых сказано в Евангелии: «Не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство» («Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12:32)). Герасима вдохновляет надежда «быть причтенным когда-нибудь к этому малому стаду» (5: 442),

чтобы в его числе достигнуть вечного спасения. Поиски спасительной веры среди старообрядческих толков, согласий и сект оказываются для него безрезультатными и приводят к выводу: «Везде заблужденье, всюду антихрист...» (5: 445). Сменив множество вер, дойдя до религиозного аскетизма, опустошившего его душу («Это был сухой аскет, все человеческое было ему чуждо» (5: 445)), так и не нашедший правой веры «горячий искатель истины» захотел «возвратиться в покинутый мир» и «в душевном отчаянье, в злобе и ненависти покинул <...> странство» (5: 445, 446). Природу этой злобы «и к людям и к себе самому», непостижимой для самого Герасима, Мельников-Печерский объясняет внутренним содержанием самого героя, а не внешними обстоятельствами:

«Он искал истины ради удовлетворения пытливости ума, но *любви и добра*, исходящих от сердца, не искал, даже никогда и не думал о них. Это был сухой аскет, все человеческое было ему чуждо, никогда *любовь* не озаряла его загрубевшего сердца, оттого злоба и свила в нем гнездо свое» (курсив мой. — Л. А.) (5: 445).

Отметим, что о героях напряженного духовного поиска, заблудших в своих исканиях, Мельников-Печерский пишет без тени презрения, без обличительно-сатирической интонации, а с пониманием и сочувствием, тем самым оставляя перспективу развития образа, восстановления в нем цельного человека (Герасим Чубалов, Дуня Смолокурова и др.).

Духовное перерождение Герасима начинается с момента его возвращения в родные края, изначально мотивированного чувством гордыни за свое нажитое богатство:

«...выкажу отцу свои капиталы... И поникнет он головою и передо мною, перед пропадшим сыном, смирится...“Вот тебе грамотей, а не пахарь, — скажу я родителю. — За что бивал меня, за что бранивал?..” Смирится старый, а я из деревни вон — прощай, мол, батюшка, лихом не поминай... И ни копейки не дам ему...”» (5: 451).

При виде нищеты, разорившегося хозяйства семьи брата «черствое сердце сурового отреченника от людей и от мира дрогнуло <...> и болезненно заныло жалостью» (5: 451), появилось ощущение единства с его семьей, а от гордыни не осталось

и следа. Герой постигает суть евангельских слов «Бог любви есть»³, мысль о которых подводит итог его духовных поисков: «Вот она где истина-то, <...> вот она где правая-то вера, а в странстве да в отречение от людей и от мира навряд ли есть спасенье...» (5: 452). Вернувшись к миру после «аскетического самоуглубления», Герасим «ровно переродился, стало у него на душе легко и радостно» (5: 452). В данном случае можно говорить о категории преобразования личности героя, восстановлении ее целостности, благодаря «пробуждению в нем сердца» (см.: [Гаричева]) («сердце повернулось» (5: 459)), о чем свидетельствуют внутренние монологи Герасима о смысле веры, милости.

Дальнейший образ Герасима строится на мотиве самопожертвования — герой всецело посвящает себя жертвенному служению семье брата по Христову завету «друг друга тяготы носите» (Гал. 6:2), который прочно укрепляется в его «обновленном сердце» (5: 477). Развитие этого образа, на наш взгляд, мотивировано ориентацией Мельникова-Печерского на традиции древнерусской книжности, духовно-нравственные идеалы Древней Руси.

Заповедь любви в православии имеет особый смысл. Любовь не просто присуща человеческой личности как данность, а достигается трудом, богоугодными делами, молитвами, духовными исканиями, страданием (см.: [Новгородцев: 11]). В процессе так называемого земного «делания» (любовь к окружающему, молитва, добрые дела, труд) [Зеньковский: 31], присущего православному сознанию, происходит восстановление целостности личности героя — обретение смысла жизни, осознание счастья быть семьянином, ценности духовного, а не материального богатства, а самое главное — приходит осознание евангельской истины «Бог есть любовь», наполняющей смыслом земное существование человека:

«...никогда еще молитва так благотворно на его душу не действовала, как теперь <...>. Таковую отраду, такое высокое духовное наслаждение почувствовал он, каких до тех пор и представить

³ «Богъ любви есть, и пребывая въ любви въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ» («Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16)).

себе не мог... То была действенная сила любви, матери всякого добра и блага. Еще впервые осияла она зачерствелое сердце от реченника от мира, осияла сердце, полное гордыней ума, нетерпимое ко всему живому, человеческому. “Бог есть любви”, — благоговейно и много раз повторял <...> Герасим Силыч» (5: 478).

Этому же завету следует купец-тысячник из старообрядцев Патап Максимыч Чапурин, убежденный, что спасение души возможно и в миру, «живи только по добру да по правде» (3: 341; 6: 369). С иронией относясь к скитской жизни (см., напр.: 3: 344–345, 352–353), Чапурин в честном труде и добрых делах видит неперемное условие спасения. Богатство он воспринимает как Божью благодать, сошедшую за то, что вместе с женой призрели сироту Груню и воспитали как свою дочь, «любовью своей отвели грозу и наполнили мирным счастьем душу девочки»: «Сиротка к нам в дом счастье принесла, <...> что ни подал нам Бог, — за нее, за голубку, все подал»; «не мое <...> добро, что мы нажили: его Бог ради Груни послал» (2: 117, 118, 119). Свою богоданную дочку Чапурин напутствует евангельскими словами: «Никто же больше тоя любви иметь, аще кто душу свою положит за други своя...», — внушая богоугодность молитвы, труда и помощи бедным (2: 123, 124). Воспитанная в любви и в вере Груня, Аграфена Петровна, чтобы воздать за милость Господа и богоданных родителей к ней, также решает заменить мать сиротам оставшегося вдовцом купца Ивана Григорьевича Заплатаина («я бы <...> душу свою за них отдала» (2: 124)).

Чапурин наставляет и молодого старообрядца Алексея Лохматого: «“Чти отца твоего и мать твою” — Господне слово!.. <...> За это Господь наградит тебя счастьем и богатством» (3: 42), но герой избирает иной путь, который не приводит его к счастью. Богатство, не подкрепленное Божиим делом, не имеет само по себе ценности для Чапурина:

«Какое богатство на долю человека ни выпадет, какое ни будь у него изобилие, а нагрянет недуг да приведет с собой калечество, так и несметное богатство выйдет хуже нищеты и всякой нужды» (6: 337–338).

Поэтому успешное ведение предпринимательства Патап Максимыч рассматривает как возможность послужить Богу, совершая добрые дела в земной жизни:

«Голодного накорми, слабому пособи, неразумного научи, как добро наживать трудом праведным, нет тех дел святее перед Господом и перед людьми... От людей вечный помин, от Господа грехов отпущенье...» (3: 361).

Следуя своему жизненному принципу, Чапурин приходит в трудную минуту на помощь внезапно охваченному недугом купцу Марко Данилычу Смолокурову, богатому, но не отличавшемуся добротой и милостью к людям и поэтому один на один оказавшемуся со своей бедой: «Лежит гордый, своенравный богач беспомощен, лежит, всеми покинутый, и слова не может промолвить» (6: 332), и «все опрометью бежали под гору — каждому лестно было поглядеть, как пришибло спесивого миллионщика» (6: 334), «никто не любил его, никто не был ему предан», «обратиться не к кому» (6: 338). Чапурин считает своим долгом взять на себя заботу о семействе старообрядца:

«Я по-человеческому — со всяким то же может случиться. <...> Сказано: “Друг друга тяготы носите и тем исполните закон Христов”» (6: 364–365).

Для понимания художественной концепции диалогии имеет особое значение то, что и Герасим, и Патап Чапурин, определившие высшую правду человеческого существования в служении людям, оставаясь в вере предков, старообрядчестве, живут по евангельским заповедям и признают истинной, чистой и непорочной веру в «великороссийской» церкви, где «не мало <...> таких, что душу свою готовы положить за последнего из паствы. Такие даже бывают, что не только за своего, а за всякого носящего образ и подобие Божие всем пожертвуют для спасения его от какой-нибудь беды, подвергнутся гневу сильных мира, сами лишатся всего, а человека, хоть им вовсе не знакомого, от беды и напасти спасут» (7: 73). Эта неотъемлемая черта православного сознания была сформулирована Ф. М. Достоевским, современником которого был автор диалогии:

«Вникните в православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, — по крайней мере, это главное» («Дневник Писателя» за 1876 г.)⁴.

Любовь во Христе возвышает человеческое сознание от единичности к единению, соборности (о категории соборности в русской литературе см.: [Есаулов]). Она просветляет чувством нравственной и религиозной ответственности людей друг перед другом, «тутъ въ основѣ лежитъ идея спасенія людей не индивидуальнаго и обособленнаго, а совмѣстнаго и соборнаго, совершаемаго дѣйствиємъ и силой общаго подвига вѣры, молитвы и любви» [Новгородцев: 11].

Важную мысль о смысле веры Мельников-Печерский вкладывает в уста православного («никонианского») священника Прохора, который в беседах пытается направить к Церкви Христовой оставшуюся без отца дочь старообрядца Смолокурова, Дуню, отступившую от древлеправославной веры предков, сбившуюся с пути в своих духовных исканиях и предавшуюся хлыстовской ереси. Священник объясняет, что сущность веры находится гораздо глубже, чем неукоснительное соблюдение обрядов: «Не достойно и даже душевредно чуждаться святой церкви. <...> Все же единую с нами веру исповедуете, разнствуете токмо в обрядах...» (б: 441). Опасаясь, что его слова как «никонианина» могут быть не услышаны, Прохор, удостоверившись, что Дуня верит в Евангелие, пытается словами Христа донести до нее мысли об истинности веры и опасности предаваться лжеучениям⁵. Намерения

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник Писателя. 1876. Сентябрь // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 130.

⁵ Отец Прохор передает слова из Евангелия: «Внеуду являются красны, внутрюду же полны суть костей мертвых и всякие нечистоты», обращенные к книжникам, фарисеям, лицемерам, которые уподобляются окрашенным гробам (ср.: Мф. 23:27); «Внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их; егда объемлют от терния грозды или от репия смоквы?.. Не всяк глаголетъ Ми: Господи, Господи, видетъ в Царствие Небесное, но творяи волю Отца Моего, Иже есть на небесех. Мнози рекутъ Мне во

православного священника исполнены «бескорыстной любви и сердечного соболезнованья» (6: 444). Видя недоверие девушки к себе, он убеждает ее в необходимости молиться Богу и тем спастись от заблуждений. Высказанная священником готовность на подвиг самопожертвования ради спасения человека, независимо от его веры, находит подтверждение в поступке героя, когда, рискуя собой, он укрывает от преследования образумившуюся и бежавшую из хлыстовской секты Дуню (6: 475). Характерно, что, оставшись в вере предков, молодые — Дуня и Петр Самоквасов — приходят к решению венчаться в «великороссийской» церкви, признавая ее правоту (7: 167).

Тема евангельской любви раскрывается Мельниковым-Печерским и посредством образов, которые можно условно назвать определением В. Е. Хализева «житийно-идиллическими» [Хализев, 1997: 116]. Эти героини отзывчивы, готовы к самопожертвованию, самоотверженному служению, способны прийти на помощь ближнему. Но они менее заметны в диалогии, поскольку в них нет напряженного духовного поиска. Как отмечает Хализев, «этот цельноличностный мир по своей сути отнюдь не враждебен патриархальным семейно-бытовым устоям, не находится с ним в фатальном, непреодолимом разладе <...>, а, напротив, ему органически и необходимо причастен» [Хализев, 1997: 116]. Это и старообрядцы: крестная дочери Чапурина, искусная повариха, безотказная Дарья Никитишна, к ним же можно отнести богоданную дочь Чапурина Груню (Аграфену Петровну), которая обретает семейное счастье с овдовевшим заволжским купцом-тысячником, призрев оставшихся без матери сирот, и Дарья Сергевна, безродная сирота, затем безмужняя вдовица, «христова невеста», посвятившая себя воспитанию дочери старообрядца Смолокурова. Эти героини диалогии служат примером того, что

он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом. И тогда исповом им, яко николиже знах вас, стыдите от Мене делающий беззаконие» (ср.: Мф. 7:15–23); «Блюдите да никто же вас прельстит, мнози бо приидут во имя мое, глаголюще: аз есмь Христос, и многие прельстят... <...> Аще кто речет вам се zde Христос или онде — не имите веры: восстанут бо лжехристы и лжепророки и ладят знамения и чудеса, яко же прельстят, аще возможно, и избранная» (ср.: Мф. 24: 4, 5, 23, 24) (6: 441–442).

«патриархальный семейный уклад способен составить благоприятную почву для свободного становления человеческой личности, если только она не устремляется к отчуждению от всего и вся» [Хализев, 1997: 116]. К этому же миру относится знахарка Егориха из народной среды («добрая, приветная да пригожая», с «правдой и любовью горевшими очами», «мягким, нежным, задушевым голосом» (3: 391)), бескорыстно оказывающая помощь любому нуждающемуся, вселяющая в человека мысли о вере, добре, смирении, всепрощении, милости, любви Божьей к людям («Он, милосердный, все терпит, все любовью своей покрывает» (3: 393)). Центральным в характеристике этих образов является мотив служения ближнему, в котором герой обретает себя как личность, пребывая в гармонии с собой.

Герои Мельникова-Печерского, определяющие художественную концепцию романов «В лесах» и «На горах», живут и действуют в русле православной традиции, независимо от того, принадлежат ли старообрядчеству или господствующей церкви. Им свойственно русское религиозное сознание, особенность которого состоит в умении сохранять в себе основы учения Христа. Наиболее существенный принцип православного воззрения — принцип взаимной любви всех во Христе. Этот принцип реализован в русской литературе, и ему следуют положительные герои дилогии Мельникова-Печерского. Их сознание, мировосприятие, миропонимание, образ жизни ориентированы на евангельские заповеди, из которых основной является заповедь любви к ближнему. Мельников-Печерский показывает, что любовь как свойство человеческой личности — не просто данность, но результат земного «делания», духовных исканий, Божьей милости, воспитания трудом, добрыми делами, страданием. Это деятельная любовь, соучастие в жизни тех, кто находится рядом, будь то героическое самопожертвование или смиренное подвижничество, созидание, преображение окружающей действительности. Любовь во Христе возвышает героев Мельникова-Печерского, является объединяющим началом, ведущим от обособленности к соборности, единству. Она просветляет сознание чувством ответственности друг перед другом, необходимостью «друг друга тяготы носить и тем исполнить закон Христов».

Список литературы

1. Аванесов С. С. Событие у М. М. Бахтина как происхождение сущего // Идеи и идеалы. 2017. Т. 9. № 1 (31). Ч. 1. С. 23–30 [Электронный ресурс]. URL: https://ideaidealy.nsuem.ru/storage/uploads/2017/01/02_Avanesov.pdf (10.02.2022). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.1-23-30
2. Алексеева Л. В. Мотивы и образы древнерусской литературы в творчестве П. И. Мельникова-Печерского // Вестник Крымских литературных чтений: сб. науч. ст. и мат-лов. Симферополь: Крымский Архив, 2013. Вып. 9. Ч. 2. С. 67–75. (а)
3. Алексеева Л. В. Традиции древнерусской словесности в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность» 13–14 мая 2013 г. / Филиал РГГУ в г. Великий Новгород. Великий Новгород: Тип. «Виконт», 2013. С. 80–85. (b)
4. Алексеева Л. В. Герои-праведники в диалогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Феномен творческой личности в культуре. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 106–117. (а)
5. Алексеева Л. В. Образы старообрядцев в диалогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 12. С. 349–370 [Электронный ресурс]. URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429697269.pdf (10.02.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2014.751 (b)
6. Алексеева Л. В. Патриархальный мир русского старообрядчества в изображении П. И. Мельникова-Печерского (на материале романа «В лесах») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. Серия: Общественные и гуманитарные науки. Февраль. № 1 (138). С. 74–77 [Электронный ресурс]. URL: <https://uchzap.petrstu.ru/files/issue/n138.pdf> (10.02.2022). (c)
7. Арсеньев Н. С. Из русской культурной и творческой традиции / предисл. С. Милорадовича. London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 304 с.
8. Багрецов Л. М. Раскольнические типы в беллетристических произведениях П. И. Мельникова-Печерского. СПб.: Тип. М. Акинфеева и И. Леонтьева, 1904. 19 с.
9. Бахтин М. М. К философии поступка / публ., вступ. ст. С. Г. Бочарова; примеч. С. С. Аверинцева // Философия и социология науки и техники: ежегодник, 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
10. Боченков В. В. Национальный идеал в диалогии П. И. Мельникова-Печерского // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. М.; Иркутск, 2004. Вып. 6. С. 128–134.
11. Боченков В. В. Творчество П. И. Мельникова-Печерского и изображение старообрядчества в русской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук / Лит. ин-т им. А. М. Горького. М., 2005. 179 с.

12. Боченков В. В. «А главный оплот будущего России все-таки вижу в старообрядцах»: новый взгляд на старообрядчество в творчестве П. И. Мельникова-Печерского // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.): сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М.: Языки славянских культур, 2010. Вып. 4. С. 428–449.
13. Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. 492 с.
14. Венгеров С. А. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Прометей, 1911. Т. 1: Героический характер русской литературы. 206 с.
15. Венгеров С. А. В чем очарование русской литературы XIX века. СПб.: Прометей, 1912. 28 с.
16. Гаричева Е. А. «Христос воскресил меня». Категория преображения личности в романах Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/080704145217.htm> (10.02.2022).
17. Гневковская Е. В. Проблема выбора жизненного пути. (Повесть П. И. Мельникова-Печерского «Гриша» и драматический эпизод «Странник» А. Н. Майкова) // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2000. Вып. 14. С. 141–146.
18. Гневковская Е. В. Эти несчастливые судьбы... (к вопросу о категории трагического в романе П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах») // Жизнь провинции как феномен духовности: сб. ст. по мат-лам Всерос. науч. конф. 14–15 ноября 2008 г., Нижний Новгород / под ред. Н. М. Фортунатова. Н. Новгород: Дятловы горы, 2009. С. 42–46.
19. Дергунова Н. Г. Православные ценности в художественном воплощении в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» // Русское православие как основа сохранения национальной идентичности. XVI Рождественские православно-философские чтения. Н. Новгород, 2007. С. 299–302.
20. Дунаев М. М. Мельников-Печерский // Православие и русская литература. М.: Храм Св. мученицы Татианы при МГУ, 2002. Ч. 3. Гл. IX. Литература второй половины XIX столетия. С. 329–365.
21. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
22. Жидкова Е. В. Образ Манефы как один из центральных в романе П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» // Жизнь провинции как феномен духовности: сб. ст. по мат-лам Всерос. науч. конф. 14–15 ноября 2008 г., Нижний Новгород / под ред. Н. М. Фортунатова. Н. Новгород: Дятловы горы, 2009. С. 29–33.
23. Журавская А. И. А. Н. Островский — комедиограф. М.: Изд-во МГУ, 1981. 216 с.
24. Зеньковский В. В. Идея православной культуры // Православие и культура: сб. религ.-филос. ст. / под ред. В. В. Зеньковского. Берлин: Русская книга, 1923. С. 25–46.

25. Истрин В. М. Опыт методологического введения в историю русской литературы. СПб.: Сенатская типография, 1907. Вып. 1. 84 с.
26. Кудряшов И. В. Путь от гордыни к смирению (философия и поэтика образов дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах») // Художественный мир русского романа. Новые аспекты изучения в вузе и школе: сб. науч. тр. Арзамас, 1997. Вып. 1. С. 118–128.
27. Кудряшов И. В. Гармония «ума» и «сердца» в философии дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 21–24 октября 2003 г.). Волгоград, 2003. Ч. 1. С. 250–254.
28. Кудряшов И. В. К вопросу о философской проблематике романа-дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Православие и русская литература: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Православие и русская литература. Вузовский и школьный аспект изучения» (г. Арзамас, 22–24 мая 2003 г.). Арзамас: Изд-во АГПИ, 2004. С. 69–74.
29. Кудряшов И. В. Изображение кризиса национального духовного бытия в русской литературе второй половины XIX века (П. И. Мельников-Печерский, Н. С. Лесков, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский). Арзамас: Изд-во АГПИ, 2006. 198,[1] с.
30. Кудряшов И. В. Проблема духовной самоидентификации в русской литературе второй половины XIX века: аксиология национальной жизни. Арзамас: Изд-во АГПИ, 2007. 212 с.
31. Липатов В. А. Житие и сказ (о соотношении устной и письменной традиции в романе П. И. Мельникова «В лесах») // Русская литература 1870–1890 годов. Свердловск, 1977. С. 106–115.
32. Мещерякова Ю. Б. Семья в свете христианских ценностей (на материале романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах») // Вестник Карагандинского университета. Сер.: Филология. 2013. № 1 (69). С. 106–111 [Электронный ресурс]. URL: https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/6961/Meshereкова_Semia_2013.pdf?sequence=1&isAllowed=y (10.02.2022).
33. Мяло К. Г. Космогонические образы мира: между Западом и Востоком // Культура, человек и картина мира / отв. ред. А. И. Арнольдов, В. А. Кругликов. М.: Наука, 1987. С. 227–261.
34. Николаева Е. В. Перечитывая эпопею Мельникова-Печерского // Литература в школе. 1999. № 7. С. 26–34.
35. Новгородцев П. Существо русского православного сознания // Православие и культура: сборник религиозно-философских статей / под ред. В. В. Зеньковского. Берлин: Русская книга, 1923. С. 7–23.
36. Перетц В. И. О некоторых основных настроениях русской литературы в ее историческом развитии // Университетские известия. Киев, 1903. № 10. С. 1–12.
37. Пигин А. В. Старообрядческая культура // Карелия: энциклопедия. Петрозаводск, 2011. Т. 3: Р–Я. С. 136–137.

38. Пигин А. В. Старообрядчество: опыт трех столетий (Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016. 852 с., ил.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 138–142.
39. Смирнов С. А. Михаил Бахтин: поступающее бытие-событие // Смирнов С. А. Чертов мост: введение в антропологию перехода. Новосибирск: Офсет, 2010. С. 118–136.
40. Соколов Л. А. Вечные ценности человеческой жизни. Киев: Тип. Акц. Общ-ва «Петр Барский в Киеве», 1913. 96 с.
41. Соколова Л. В. «Житийный» персонаж как выражение авторского идеала в произведениях писателей-традиционалистов (В. Шукшин, В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин) // Русская литература XIX–XX веков: проблемы теории и методологии изучения: мат-лы II Междунар. науч. конф. (16–17 ноября 2006 г.). М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 181–185.
42. Тарасова С. А. Поэтико-аксиологический аспект творчества П. И. Мельникова-Печерского: на материале дилогии «В лесах» и «На горах»: дис. ... канд. филол. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Мичуринск, 2009. 202 с.
43. Хализев В. Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX века // Русская литература XIX века и христианство: сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 111–119.
44. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с. [Электронный ресурс]. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Halizev_V.E._TCennostnye_orientacii_russkoj_klassiki_2005.pdf (10.02.2022).
45. Царегородцева С. С. Старообрядчество в романах П. И. Мельникова-Печерского и Г. Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 34–41.
46. Щитцова Т. В. Событие в философии Бахтина. Минск: И. П. Логвинов, 2002. 300 с.
47. Юхименко Е. М. Старообрядчество. История и культура. М.: Криница, 2016. 852 с.
48. Юхименко Е. М. Объективное изучение истории старообрядчества как задача современных исследователей // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: сб. мат-лов Междунар. науч. конф. М.: Ин-т Рос. истории РАН, 2020. С. 15–33.

References

1. Avanesov S. S. “Event” as Coming Into Being in M. Bakhtin’s Philosophy. In: *Idei i idealy [Ideas and Ideals]*, 2017, vol. 9, no. 1 (31), part 1, pp. 23–30. Available at: https://ideaidealy.nsuem.ru/storage/uploads/2017/01/02_Avanesov.pdf (accessed on February 10, 2022). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.1-23-30 (In Russ.)
2. Alekseeva L. V. Motifs and Images of Ancient Russian Literature in the Works of P. I. Melnikov-Pechersky. In: *Vestnik Krymskikh literaturnykh*

- chteniy: sbornik nauchnykh statey i materialov* [Bulletin of Crimean Literary Readings: Collection of Scientific Articles and Materials]. Simferopol, Krymskiy Arkhiv Publ., 2013, issue 9, part 2, pp. 67–75. (In Russ.) (a)
3. Alekseeva L. V. Traditions of Ancient Russian Literature in the Novel by P. I. Melnikov-Pechersky “In the Forests”. In: *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Istoriko-kul’turnyy i ekonomicheskii potentsial Rossii: nasledie i sovremennost’», 13–14 maya 2013 g.* [Materials of the International Scientific and Practical Conference “Historical, Cultural and Economic Potential of Russia: Heritage and Modernity”, May 13–14, 2013]. Veliky Novgorod, Tipografiya Vikont Publ., 2013, pp. 80–85. (In Russ.) (b)
 4. Alekseeva L. V. Heroes-Righteous in the Dilogy of P. I. Melnikov-Pechersky “In the Forests” and “On the Hills”. In: *Fenomen tvorcheskoy lichnosti v kul’ture* [The Phenomenon of Creative Personality in Culture]. Moscow, Moscow State University Publ., 2014, pp. 106–117. (In Russ.) (a)
 5. Alekseeva L. V. Images of Old Believers in Pavel Melnikov-Pechersky’s Dilogy “In the Woods” and “On the Hills”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014, issue 12, pp. 349–370. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429696960.pdf (accessed on February 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2014.751 (In Russ.) (b)
 6. Alekseeva L. V. Patriarchal World of Russian Old Belief in Melnikov-Pechersky’s Perception (Based on the Novel “In the Woods”). In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences and Humanities], 2014, no. 1 (138), February, pp. 74–77. Available at: <https://uchzap.petsu.ru/files/issue/n138.pdf> (accessed on February 10, 2022). (In Russ.) (c)
 7. Arsen’ev N. S. *Iz russkoy kul’turnoy i tvorcheskoy traditsii* [A Creative Approach to Russian Cultural Tradition]. London, Overseas Publications Interchange Ltd Publ., 1992. 304 p. (In Russ.)
 8. Bagretsov L. M. *Raskol’nicheskie tipy v belletristicheskikh proizvedeniyakh P. I. Mel’nikova-Pecherskogo* [Raskolniki Types in Fiction Works by P. I. Melnikov-Pechersky]. St. Petersburg, Tipografiya M. Akinfeeva i I. Leont’eva Publ., 1904. 19 p. (In Russ.)
 9. Bakhtin M. M. To the Philosophy of the Act. In: *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki: ezhegodnik, 1984–1985* [Philosophy and Sociology of Science and Technology: Yearbook, 1984–1985]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 80–160. (In Russ.)
 10. Bochenkov V. V. National Ideal in the Dilogy of P. I. Melnikov-Pechersky. In: *Tri veka russkoy literatury: aktual’nye aspekty izucheniya. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Three Centuries of Russian Literature: Topical Aspects of Study. Interuniversity Collection of Scientific Works]. Moscow, Irkutsk, 2004, issue 6, pp. 128–134. (In Russ.)

11. Bochenkov V. V. *Tvorchestvo P. I. Mel'nikova-Pecherskogo i izobrazhenie staroobryadchestva v russkoy literature XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [P. I. Melnikov-Pechersky's Creative Work and the Image of the Old Belief in Russian Literature of the 19th Century. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 179 p. (In Russ.)
12. Bochenkov V. V. "And I See the Main Stronghold of the Future of Russia After All in the Old Believers": A New View on the Old Belief in P. I. Melnikov-Pechersky's Creative Work. In: *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX veka)* [The Old Belief in Russia (17–20th Centuries)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, issue 4, pp. 428–449. (In Russ.)
13. Vengerov S. A. *Ocherki po istorii russkoy literatury* [Essays on the History of Russian Literature]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za» Publ., 1907. 492 p. (In Russ.)
14. Vengerov S. A. *Sobranie sochineniy: v 5 tomakh* [Collected Works: in 5 Vols]. St. Petersburg, Prometey Publ., 1911, vol. 1. 206 p. (In Russ.)
15. Vengerov S. A. *V chem ocharovanie russkoy literatury XIX veka* [What Is the Charm of Russian Literature of the 19th Century]. St. Petersburg, Prometey Publ., 1912. 28 p. (In Russ.)
16. Garicheva E. A. «*Khristos voskresil menya*». *Kategoriya preobrazheniya lichnosti v romanakh F. M. Dostoevskogo* ["Christ Resurrected Me." Category of Personality Transformation in the Novels of F. M. Dostoevsky]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/080704145217.htm> (accessed on February 10, 2022). (In Russ.)
17. Gnevkovskaya E. V. The Problem of Choosing a Life Path. (The Short Novel (Povest') of P. I. Melnikov-Pechersky "Grisha" and the Dramatic Episode "Wanderer" by A. N. Maykov). In: *Uchenye zapiski Volgo-Vyatskogo otdeleniya Mezhdunarodnoy Slavyanskoy akademii nauk, obrazovaniya, iskusstv i kul'tury* [Scientific Notes of the Volga-Vyatka Branch of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod University Publ., 2000, issue 14, pp. 141–146. (In Russ.)
18. Gnevkovskaya E. V. These Unhappy Fates... (to the Question of the Tragic Category in the Novel by P. I. Melnikov (Andrey Pechersky) "In the Forests"). In: *Zhizn' provintsii kak fenomen dukhovnosti: sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. 14–15 noyabrya 2008 g.*, Nizhniy Novgorod [The Life of the Province as a Phenomenon of Spirituality: A Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific Conference. November 14–15, 2008, Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, Dyatlovyy gory Publ., 2009, pp. 42–46. (In Russ.)
19. Dergunova N. G. Orthodox Values in the Artistic Realization in P. I. Melnikov-Pechersky's Novel "In the Forests". In: *Russkoe pravoslavie kak osnova sokhraneniya natsional'noy identichnosti. XVI Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya* [Russian Orthodoxy as the Basis of Preservation of National Identity. The 16th Christmas Orthodox and Philosophical Readings]. Nizhny Novgorod, 2007, pp. 299–302. (In Russ.)

20. Dunaev M. M. Melnikov-Pechersky. In: *Pravoslavie i russkaya literatura [Orthodoxy and Russian Literature]*. Moscow, Church of St. Martyr Tatiana at Moscow State University Publ., 2002, part 3, chapter 9: Literature of the 2nd Half of the 19th Century, pp. 329–365. (In Russ.)
21. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature [The Category of Sobornost' in Russian Literature]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
22. Zhidkova E. V. The Image of Manefa as One of the Central Ones in the Novel by P. I. Melnikov (Andrey Pechersky) “In the Forests”. In: *Zhizn' provintsii kak fenomen dukhovnosti: sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 14–15 noyabrya 2008 g., Nizhny Novgorod [The Life of the Province as a Phenomenon of Spirituality: A Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific Conference. November 14–15, 2008, Nizhny Novgorod]*. Nizhny Novgorod, Dyatlovy gory Publ., 2009, pp. 29–33. (In Russ.)
23. Zhuravskaya A. I. A. N. Ostrovskiy — komediograf [A. N. Ostrovsky — Comedy Dramatist]. Moscow, Moscow State University Publ., 1981. 216 p. (In Russ.)
24. Zen'kovskiy V. V. The Idea of Orthodox Culture. In: *Pravoslavie i kul'tura: sbornik religiozno-filosofskikh statey [Orthodoxy and Culture: a Collection of Religious and Philosophical Articles]*. Berlin, Russkaya kniga Publ., 1923, pp. 25–46. (In Russ.)
25. Istrin V. M. *Opyt metodologicheskogo vvedeniya v istoriyu russkoy literatury [Experience of Methodological Introduction into the History of Russian Literature]*. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya Publ., 1907, issue 1. 84 p. (In Russ.)
26. Kudryashov I. V. The Path from Pride to Humility (Philosophy and Poetics of Images of the Dilogy of P. I. Melnikov-Pechersky “In the Forests” and “On the Hills”). In: *Khudozhestvennyy mir russkogo romana. Novye aspekty izucheniya v vuze i shkole [Artistic World of the Russian Novel. New Aspects of Study in the University and School]*. Arzamas, 1997, issue 1: A Collection of Scientific Papers, pp. 118–128. (In Russ.)
27. Kudryashov I. V. Harmony of “Mind” and “Heart” in the Philosophy of the Dilogy of P. I. Melnikov-Pechersky “In the Forests” and “On the Hills”. In: *Sootnoshenie ratsional'nogo i emotsional'nogo v literature i fol'klоре: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Volgograd, 21–24 oktyabrya 2003 g.) [The Correlation of Rational and Emotional in Literature and Folklore: Materials of the International Scientific Conference (Volgograd, October 21–24, 2003)]*. Volgograd, 2003, part 1, pp. 250–254. (In Russ.)
28. Kudryashov I. V. To the Topic of a Philosophical Perspective of P. I. Melnikov-Pechersky's Novel Dilogy “In the Forests” and “On the Hills”. In: *Pravoslavie i russkaya literatura: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pravoslavie i russkaya literatura. Vuzovskiy i shkol'nyy aspekt izucheniya» (g. Arzamas, 22–24 maya 2003 g.) [Orthodoxy and Russian Literature: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Orthodoxy and Russian Literature. University and School Aspects of Study” (Arzamas, May 22–24, 2003)]*. Arzamas, Arzamas State Pedagogical Institute Publ., 2004, pp. 69–74. (In Russ.)

29. Kudryashov I. V. *Izobrazhenie krizisa natsional'nogo dukhovnogo bytiya v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka* (P. I. Mel'nikov-Pecherskiy, N. S. Leskov, V. G. Korolenko, G. I. Uspenskiy) [*Image of the Crisis of National Spiritual Existence in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century* (P. I. Melnikov-Pechersky, N. S. Leskov, V. G. Korolenko, G. I. Uspensky)]. Arzamas, A. P. Gaidar Arzamas State Pedagogical Institute Publ., 2006. 198 p. (In Russ.)
30. Kudryashov I. V. *Problema dukhovnoy samoidentifikatsii v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka: aksiologiya natsional'noy zhizni* [*The Problem of Spiritual Self-Identification in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: Axiology of National Life*]. Arzamas, A. P. Gaidar Arzamas State Pedagogical Institute Publ., 2007. 212 p. (In Russ.)
31. Lipatov V. A. Hagiography and Narration (The Corellation of Oral and Written Tradition in P. I. Melnikov's Novel "In the Forests". In: *Russkaya literatura 1870–1890 godov* [*Russian Literature of 1870–1890s*]. Sverdlovsk, 1977, pp. 106–115. (In Russ.)
32. Meshcheryakova Yu. B. Family in the Light of Christian Values (On a Material of the Novel by P. I. Melnikov-Pechersky "In the Woods"). In: *Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [*Bulletin of the Karaganda University. Philology Series*], 2013, no. 1 (69), pp. 106–111. Available at: https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/6961/Meshcheryakova_Semia_2013.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed on February 10, 2022). (In Russ.)
33. Myalo K. G. Cosmogonic Images of the World: Between the West and the East. In: *Kul'tura, chelovek i kartina mira* [*Culture, a Man and Image of the World*]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 227–261. (In Russ.)
34. Nikolaeva E. V. Re-reading Melnikov-Pechersky's Epic Work. In: *Literatura v shkole* [*Literature at School*], 1999, no. 7, pp. 26–34. (In Russ.)
35. Novgorodtsev P. The Essence of the Russian Orthodox Consciousness. In: *Pravoslaviye i kul'tura: sbornik religiozno-filosofskikh statey* [*Russian Orthodoxy and Culture: A Collection of Essays on Religion and Philosophy*]. Berlin, Russkaya kniga Publ., 1923, pp. 7–23. (In Russ.)
36. Peretts V. I. On Some of the Main Moods of Russian Literature in Its Historical Development. In: *Universitetskie izvestiya*. Kiev, 1903, no. 10, pp. 1–12. (In Russ.)
37. Pigin A. V. Old Believer Culture. In: *Kareliya: Entsiklopediya* [*Karelia: Encyclopedia*]. Petrozavodsk, 2011, vol. 3, pp. 136–137. (In Russ.)
38. Pigin A. V. The Old Belief: Experience of Three Centuries (Yukhimenko E. M. The Old Belief. History and Culture. Moscow, 2016. 852 p.). In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [*Ancient Russia. The Questions of Middle Ages*], 2017, no. 1 (67), pp. 138–142. (In Russ.)
39. Smirnov S. A. Mikhail Bakhtin: Incoming Being-Event. In: *Smirnov S. A. Chertov most: vvedenie v antropologiyu perekhoda* [*Smirnov S. A. Devil's Bridge: Introduction to the Anthropology of Transition*]. Novosibirsk, Ofset Publ., 2010, pp. 118–136. (In Russ.)

40. Sokolov L. A. *Vechnye tsennosti chelovecheskoy zhizni* [Eternal Values of Human Life]. Kyiv, Tipografiya Aktsionernogo Obshchestva «Petr Barskiy v Kieve» Publ., 1913. 96 p. (In Russ.)
41. Sokolova L. V. The Character of Hagiography as an Expression of an Author's Ideal in the Works of the Traditionalists Writers (V. Shukshin, V. Belov, V. Astafyev, V. Rasputin). In: *Russkaya literatura XIX–XX vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya: materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (16–17 noyabrya 2006 g.)* [Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: the Problems of the Theory and Methodology of Studying: Materials of the 2nd International Scientific Conference (November 16–17, 2006)]. Moscow, Moscow State University Publ., 2006, pp. 181–185. (In Russ.)
42. Tarasova S. A. *Poetiko-aksiologicheskiy aspekt tvorchestva P. I. Mel'nikova-Pecherskogo: na materiale dilogii "V lesakh" i "Na gorakh": dis. ... kand. filol. nauk* [Poetico-Axiological Aspect of P. I. Melnikov-Pechersky's Creative Work: Based on Dilogy Material "In the Forests" and "On the Hills". PhD. philol. sci. diss.]. Michurinsk, 2009. 202 p. (In Russ.)
43. Khalizev V. E. "Heroes of Time" and Righteousness Portrayed by Russian Writers of the 19th Centuries. In: *Russkaya literatura XIX veka i khristianstvo* [Russian Literature of the 19th Century and Christianity]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997, pp. 111–119. (In Russ.)
44. Khalizev V. E. *Tsennostnye orientatsii russkoy klassiki* [Value Orientations of Russian Classics]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 432 p. Available at: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Halizev_V.E._TCennostnye_orientatscii_russkoj_klassiki._2005.pdf (accessed on February 10, 2022). (In Russ.)
45. Tsaregorodtseva S. S. The Old Belief in the Novels of P. I. Melnikov-Pechersky and G. D. Grebenshchikov. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Altai Text in the Russian Culture]. Barnaul, 2004, issue 2, pp. 34–41. (In Russ.)
46. Shchittsova T. V. *Sobytie v filosofii Bakhtina* [Event in the Philosophy of Bakhtin]. Minsk, I. P. Logvinov Publ., 2002. 300 p. (In Russ.)
47. Yukhimenko E. M. *Starobryadchestvo. Istoriya i kul'tura* [The Old Belief. History and Culture]. Moscow, Krinitsa Publ., 2016. 852 p. (In Russ.)
48. Yukhimenko E. M. Objective Study of the History of the Old Belief as a Task of Modern Researchers. In: *Starobryadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: Problemy izucheniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Old Belief in the History and Culture of Russia: Problems of Study. Collection of Materials of the International Scientific Conference]. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 15–33. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексеева Любовь Викторовна, канд. филологических наук, специалист Web-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1190-8084>; e-mail: lempi@mail.ru.

Lyubov V. Alekseeva, PhD (Philology), Specialist, Web-laboratory of Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1190-8084>; e-mail: lempi@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 05.03.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.04.2022

Принята к публикации / Accepted 12.05.2022

Дата публикации / Date of publication 06.06.2022